

Валентин БУКИН: "Чувствую, что все возвращается на круги своя"

Петербургский актер Валентин Букин - личность колоритная. Оптимист, жизнелюб, он очень напоминает таких шекспировских героев, как Фальстаф или сэр Тоби. За свою жизнь он переиграл множество ролей во многих городах бывшего Союза. Куда только не забрасывала его судьба - от родного города Улан-Удэ до Минска (в Национальном театре имени Янки Купалы он проработал 20 лет). И в кино успел сняться более чем в 100 фильмах. Жизнь и творчество Валентина Букина так сильно переплелись, что границу между ними прочертить почти невозможно. Так произошло и с его новыми героями из двух последних фильмов - трагикомичным дедом Петрулей в картине Сергея Микаэляна "Звездочка моя ненаглядная" и полицейским сыщиком Медянниковым из телесериала "Империя под ударом". Родословная этих персонажей словно бы списана с жизни самого актера. Наверное, отчасти поэтому Валентин Букин так точно попал в образы этих не похожих друг на друга героев.

- "Империю под ударом" снимали шесть разных режиссеров. Наверное, артистам было сложно работать?

- Да, непросто. Под первого режиссера подстроиться и привыкнуть, приходит второй, который все делает по-другому, потом третий... Кто-то однажды сказал точную фразу: "Артисты, проститутки и тайная полиция нужны при всех властях". Неизвестно, кто раньше начал прикидываться, играть в любовь, но те и эти были всегда зависимы и всегда под кого-то подстраивались.

- Нам показалось, что в образе Медянникова вам легко и удобно. Как вы относитесь к своему герою?

- Профессионально. Симпатичный человек. Евраграфий Медянников - начальник наружного сыска департамента полиции. Многоликий. То он переодевается кучером, то официантом, то косит под дворника, обклеиваясь до пупа бородой, чтобы быть незабываемым среди своих. Он ведь начальник филеров.

В отличие от моих двух напарников с университетским образованием мой герой из сибирских крестьян, с начальным образованием, но талантлив. У него был реальный прототип Медникова. Террорист Савинков пишет о нем в своих мемуарах как о высочайшем профессионале. В 17-м году большевики упрятали Медникова в сумасшедший дом. Видимо, из-за того, что ча-

сто переодевался, менял облик, на каком-то этапе и свихнулся.

Хотя, как вы понимаете, в 17-м году причин было предостаточно, чтобы у многих крыша поехала. Мой герой старовер, и, если вы обратили внимание, он крестится двумя пальцами. Бывает трогательно добрым, бывает грубым и злым. В одной из серий Медянников разбивает в кровь лицо деревенскому парнишке за то, что тот сотрудничал с бомбистами, а потом усыновляет его, пытается воспитать из парнишки себе помощника. Я, когда смотрел по ТВ сцену, где Медянников на коленях прощается с этим парнишкой, убитым бомбистом, плакал.

- Нравитесь себе...

- Иногда - да.

- А трудно играть такие сцены?

- Знаете, бывалые актеры говорят, что у плохого артиста 5 штампов, а у хорошего 50! Я пытаюсь играть на 50 штампах.

- Откуда вы?

- Как и мой герой, я тоже из Сибири. Вырос, правда, не в деревне, а в Улан-Удэ, там есть даже оперный театр, который построили пленные японцы рядом со школой, где я учился. Когда утром пленники вели на работу, мы, пацаны, ныряли в колонну и обменивали папиросы (я их таскал у матери) на сахар, на всякие безделушки, которые делали умельцы-японцы. Климат у нас, как говорят метеорологи, резко

континентальный, и люди соответственно. Моя мать в 40-х годах была в Иркутске высоким партийным начальником, а отец - ведущим судостроителем. В то время там проходили ходовые испытания нового парохода "Иосиф Сталин", и что-то в нем сломалось.

Отца как врага народа посадили, и мать сняли со всех партийных постов и исключили из партии. Но из-за дефицита кадров, "которые решали все", отправили чем-то там заведовать в Ново-Селенгинский район, где я и рос в доме, построенном руками декабриста Бестужева.

Представьте себе зимнюю Сибирь. В районе недалеко лагерь для заключенных. Жена начальника лагеря любила по воскресеньям объезжать окрестные магазины. В 40-градусный мороз лошадь запрягать в сани жалко. Вместо нее сани тащили зеки. Они быстро бежали по морозцу, чтоб не околеть. Пока начальница ходила по магазину, мы взмыленных зеков подкармливали чем могли, давали закурить. Рассказывали, что среди зеков была драка, чтобы попасть в упряжку. Ведь это была единственная возможность хотя бы на короткое время выскользнуть на свободу. Мой персонаж Медянников из той самой Сибири.

- И вы тоже всего этого хлебнули?

- Я рос, когда окончилась война. Громадное количество бесхозного оружия. Вернувшиеся из армии

люди, освобожденные из лагерей бывшие зеки. Разгул преступности. Мы в школу обязательно несли все, что стреляло и взрывалось. Была вполне обычной такая картинка из жизни - мы, пацаны, сидим на заборе, а рядом на бревнах более взрослые ребята играют в карты. И я собственными глазами видел, как один из них, проигравший дотла, поставил на свой палец и, не отыгравшись, взял топор и отрубил себе этот палец. Так что мой Медянников - мужик закаленный.

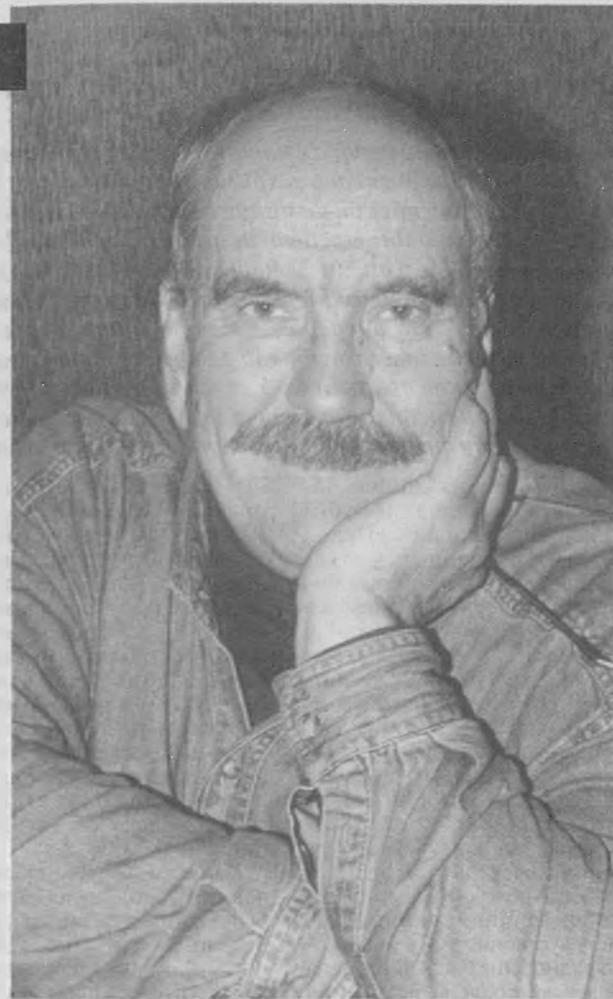
- Уровень отечественных сериалов зачастую оставляет желать лучшего, а как вы оцениваете ваш сериал?

- Мне нравится интеллигентность "Империи". В популярных в народе "Ментах" - какие-то зачуханные ментовские отделы, обшарпанные питерские дворы, серые лица. А в нашей "Империи", извините, за банальность, Россия, которую мы потеряли. Какие кабинеты, интерьеры, костюмы, мундиры! Чтобы снять что-нибудь на улице или во дворе, наши художники подмазывали и подкрашивали разрушающийся Питер.

Я думаю, что наша жизнь была бы более сноской, если бы мы больше уважали прошлое и почаще задавали себе вопросы. Как интеллигентные, образованные российские мальчики кинулись в террор и начали пускать кровь себе подобным, думая при этом, что они изменят мир и сделают всех счастливыми? И великая наша страна вдруг оказалась у разбитого корыта.

Вот вам справка революционных убийств только за несколько месяцев 1906 года: январь - 80, февраль - 64, март - 50, май - 122, июнь - 127 и т.д. Революционная молодежь соревновалась между собой - кто больше убьет. Косили всех - от министров до дворников, сотрудничавших с полицией.

- Продолжение "Империи" снимать будут?

- Да. Замысел фильма грандиозный. За последние 100 лет показать акты террора и насилия в России - от 1900 года до наших дней. Мы ведь до сегодняшнего дня наступаем все на те же грабли.

- Скажите, а вы, как герой этой истории, сочувствуете террористам?

- Медянников заблудшей душе сочувствует. Но если человек сознательно несет зло, то, конечно, протестую как любой нормальный человек.

- Вы играли в разных театрах страны и 8 лет проработали в Петербургском театре комедии. Почему ушли из театра?

- Работа хороша до тех пор, пока не превращается в суету. Я ушел из Театра комедии, потому что мне там стало скучно.

- Ваш дед Петруля из "Звездочки" очень нравится зрителям. Трудно было играть старика?

- Режиссер Микаэлян тормозил меня, когда я уж очень расхотелся. Но помогал грим. И сознание того, что фильм будут смотреть зрители, оплакивающие по-

гибших на войне сыновей, себя и свой народ. У Достоевского есть повесть "Бедные люди". Наш фильм о бедных, не вписавшихся в новые реалии людей. Бедных материально, но богатых и сильных духом.

- Говорят, вы рисуете?

- Я когда-то мечтал стать художником, но актерство победило. Хотя сегодня чувствую, что все возвращается на круги своя. Начал вспоминать, хотя, честно сказать, не забывал рисования и время от времени даже зарабатывал этим. Рисовал новым русским портреты их любимых собак.

В принципе рисую все. Могу скопировать любой стиль. Люблю цвет в живописи, как у импрессионистов. Даже жилье сменил. Поблизе к лесу, реке. На Крестовском острове. Там дышится по-другому.

- И мечтается?

- У меня есть тайная мечта - уехать на Байкал. Там чистейшая вода, горы и поляны.

Беседовали
Евгения СУНЦОВА,
Елена ФОМИНА

Фото Вазгена ПЕТРОСЯНА

Светлана
9 февраля 2001 г. № 26 (22816)